

© 2011 г. Ф. А. ОЗОВА*

К ВОПРОСУ О СОЮЗАХ ИВАНА ГРОЗНОГО С КНЯЗЬЯМИ ЧЕРКЕСИИ

Конец XV – первая половина XVI в. – время наибольшего могущества Османской империи и военного усиления зависимого от нее Крымского ханства. Монархи стран Европы пахотились тогда в поисках военно-политических союзников. Не была исключением в этом отношении и Черкесия, правители которой предпринимали энергичные меры для защиты своих владений. С этой целью в середине XVI в. был предпринят ряд посольств от владетельных князей Черкесии к русскому царю Ивану IV.

История посольств Иналидов к Ивану IV была объектом значительного внимания советских историков. Это дало мощный импульс развитию адыгского источниковедения и историографии. Большим достижением советского кавказоведения стали подготовка и издание 2-томного сборника документов по истории кабардино-русских отношений XVI–XVIII вв.¹ По сей день это издание остается основной источниковой базой для исследований по истории Черкесии XVI в. Однако несмотря на сотни научных разысканий, внесших заметный вклад в изучение русско-черкесских связей середины XVI в.², многие аспекты этих отношений остаются неизученными. В значительной мере это обусловлено пропагандой тезиса о «добровольном присоединении Черкесии к России», противоречившего как историческим источникам, так и результатам изучения русско-черкесских отношений.

В последние десятилетия XX – начале XXI в. исследование русско-черкесских отношений середины XVI в. получило новый импульс и достигло определенных успехов. Особенно следует отметить монографию А.М. Некрасова, посвященную международному положению черкесов на рубеже XV–XVI вв. Значительное число исторических источников, прежде всего турецкого происхождения, впервые введенных в научный оборот Некрасовым, существенно расширили исследовательскую базу. Они позволили подтвердить вывод о том, что именно османо-крымская агрессия, которой адыги сопротивлялись к тому времени более 75 лет, вынудила черкесских князей искать себе союзника в Москве³. К.Ф. Дзамихов выдвинул концепцию, согласно которой итогом черкесских посольств 1550-х гг. стал военно-политический союз Черкесии и России⁴. Б.Х. Бгажноков выявил ряд признаков асимметрии военно-политического сотрудничества России и Кабарды на протяжении XVI–XVIII вв., которые со временем стали действовать разрушающе как на само сотрудничество царя и черкесских князей, так и на общественную жизнь Кабарды⁵. Сегодня представляется актуальным изучение условий военно-политических союзов между русским царем и черкесскими князьями, трансформации этих союзов под воздействием различных факторов, а также причин их разрыва.

Как уже упоминалось, источников по данной проблеме крайне мало. Подлинные документы, связанные с самыми ранними приездами черкесских князей в Москву, были утрачены. До наших дней дошла лишь опись этих дел, составленная в 80-х гг. XVI в.⁶ Выдающийся археограф С.А. Белокуров, осуществивший первую публикацию

* Озова Фатима Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований.

документов по истории русско-черкесских отношений из фонда Посольского приказа с 1580-х гг. по 1613 г., писал: «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Кавказскими владетелями, сохранившиеся до нашего времени, начинаются... только с 1587 года, хотя точно также несомненно, что сношения существовали и ранее. Все наши сведения о первых сношениях ограничиваются теми известиями, которые мы находим в наших летописях и вскользь, мимоходом брошенных замечках иностранцев, бывших в России или встретившихся с русскими послами при иноземном дворе»⁷. При существующей бедности источниковедческой базы, как указывает Е.Н. Кушева, «исследование неизбежно принимает в ряде случаев характер научной реконструкции и гипотезы»⁸. В связи с этим представляется также актуальным изучение ранних документов в сопоставлении с более поздними.

Как отмечалось выше, побудительной причиной обращения черкесских князей за покровительством к русскому царю стала османско-крымская экспансия в Черкесию, начавшаяся в последней четверти XV в.⁹ Свои притязания на вассалитет черкесских владетелей крымская дипломатия основывала на некоем кабардинском народном предании, которое было записано турецким историком Джевдетом. Согласно этому преданию, некоторые черкесские княжества прибегли к покровительству крымского хана в царствование султана Баязида II (1480–1512 гг.).

Действительно, в 1491 г. Иналиды, которые пытались наладить отношения с вассалами султана, крымскими ханами, не преуспев в этом из-за противоречивой политики последних, отправили в Константинополь к султану Мухаммеду II Фатиху делегацию с просьбой о покровительстве, обещая султану в случае необходимости свои конные части. Преемник Мухаммеда II Баязид II, вняв просьбам крымского хана Менгли-Гирея (1479–1515 гг.), попытался передать черкесскую конницу на службу хана. «Эта зависимость, – писал выдающийся востоковед В.Д. Смирнов, – никогда не выражалась в определенных и правильно организованных формах практического осуществления ханской власти над землями, лежащими вне пределов Крымского полуострова»¹⁰. Такие отношения крымских ханов с черкесскими князьями вызывали их беспрестанную борьбу. Хан стремился заполучить в свое распоряжение черкесов, так как их привлечение на сторону Крыма могло привести к удвоению военного потенциала ханства¹¹.

После неудачных попыток завязать длительные союзнические отношения с турецким султаном и крымским ханом черкесские князья продолжили поиск союзников на Кавказе. Это проявилось в их связях с Астраханским ханством и Грузией, враждовавших с Крымским ханством и Турцией¹². Союзы астраханских, грузинских и кабардинских правителей были закреплены династическими браками¹³. Однако события середины XVI в. указывали на необходимость поиска союзников среди государей, чьи страны обладали технической оснащённостью, сопоставимой с характером вооружения Османской империи¹⁴. Изоляция Черкесии от стран Западной Европы вследствие оккупации ее приморской части османами; военно-техническая отсталость крупнейших стран Азии и Ближнего Востока, с которыми она была традиционно связана; военно-техническая слабость кавказских стран перед османско-крымской угрозой – все эти факторы повлияли на решение черкесских князей о союзе с русским царем, который начал демонстрировать в начале 1550-х гг. успешную борьбу с Казанским и Астраханским ханствами.

Основы антикрымской внешнеполитической линии в России были заложены в начале 1550-х гг. В Москве было заявлено, что царь «вперед с ним (крымским ханом. – Ф.О.) хочет промышляти... потому ж, как с казанским». Московская знать была решительно настроена на скорейшее покорение Крымского ханства. Иналиды осознавали деструктивное влияние османско-крымской оккупации причерноморской Черкесии на жизнь страны. М.А. Полиевктов отмечал, что к середине 1550-х гг. в Черкесии усилилось стремление к выходу из зависимости от Крымского ханства¹⁵. Антикрымская внешнеполитическая линия России в 1550-х гг. совпала с внешнеполитическим курсом Иналидов на сохранение своих владений от внешней агрессии.

Высокий уровень оснащённости русской армии огнестрельным оружием делал царя привлекательным союзником в глазах многих государей Востока. По сведениям члена голландского посольства в Москву Николаса Витссена, в середине XVII в. черкесы еще не умели делать огнестрельного оружия, привозные пищали были у них редкостью. Россия же стала к середине XVI в. крайне милитаризованным государством: при Иване IV русская артиллерия считалась одной из лучших в Европе¹⁶. Персидское посольство, посетившее Москву в 1552–1553 гг., просило русский двор о заключении союза и о помощи огнестрельным оружием¹⁷. Несмотря на то что оружие в России относилось к категории изъятых из свободного торгового обращения заповедных товаров, его вывоз в Ногайскую Орду был хорошо налажен¹⁸.

Наряду с этим существенное значение имел религиозный фактор. Черкесия на протяжении тысячелетия была христианской страной, и в рассматриваемое время значительная часть ее населения исповедовала православие¹⁹, основой политических объединений выступало религиозное единство²⁰. Черкесские князья в середине XVI в. продолжали осознавать себя и свою страну частью христианского мира. Они скрепили союз с русским царем клятвой по христианскому обычаю – «целовали крест»²¹. Антонио Поссевино (1582 г.) называл черкесов христианами греческого обряда²². Вопрос союзнничества с православной страной имел наибольшую актуальность в конце XV – 70-х гг. XVI в., т.к. именно на эти десятилетия пришлось наиболее опустошительные и крупномасштабные военные походы османско-крымской коалиции против областей Черкесии²³. Решению Иналидов рассматривать Россию как страну, которая может им помочь в освобождении от крымской агрессии, в значительной степени способствовало и то, что в XVI в. она оставалась единственным независимым православным государством. В это время Россия начала позиционировать себя преемницей Византии, центром православного мира. Сохранение православия считалось не только главной религиозной, но и главной государственной задачей России²⁴.

Каков же был характер русско-черкесских отношений в середине XVI в.? С.А. Белокуров отмечал, что утверждать, будто кавказские владетели обращались в середине XVI в. к русскому царю с просьбой о подданстве, неправомерно: «В то время Московское государство не настолько было сильно и не настолько было близко к Кавказу, чтобы у кого-либо из его народов могла явиться подобная мысль – обратиться с просьбой о подданстве к государству, которое и само только что освободилось от татарского ига, под которым оно пребывало долгое время. Что не о подданстве шла речь, это видно из того, что русские документы и официальные акты ничего не знают об этом»²⁵. Более того, институт подданства в строго юридическом смысле сформировался лишь в Новое время²⁶. Связи, установившиеся между царем Иваном Васильевичем и черкесскими князьями дома Инала, представляли собой отношения покровительства. Иналиды определяли их отношениями коначества (къан (черк.) – покровитель. – Ф.О.)²⁷. В 1550-х гг. как в Москве, так и в Черкесии установление отношений покровительства понималось как установление союза. Такие союзы в рассматриваемую эпоху носили временный характер²⁸.

Рассуждая о характере союза черкесских князей с московским царем, необходимо обратить внимание на вопрос о статусе княжеского дома Инала. Единственным юридическим лицом в феодальную эпоху выступал феодальный владетель. В Черкесии таковыми являлись пщы-князья дома великого князя-пщышху²⁹ Инала. Именно поэтому в Никоновской летописи, сохранившей информацию о приезде в Москву посольств из Черкесии указывалось, что «приехали к государю царю и великому князю черкесские государи (курсив мой. – Ф.О.)»³⁰.

Отношения подданства и покровительства, в которые вступали между собой монархи того времени, касались прежде всего их самих, а не возглавляемых ими государств. Как отмечено в работе В.В. Трепавлова, «подданство» черкесских князей в XVI–XVIII вв. можно трактовать «как личные обязательства князей перед царем»³¹. С этой точки зрения, утвердившиеся в отечественной историографии термины «русско-черкесский союз», «русско-кабардинский союз»³² нельзя признать удачными.

Царь и великий князь Иван IV Васильевич боролся за признание своего царского титула со стороны Габсбургов и других европейских монархов. В то же время он продолжал разделять средневековые представления о природе власти, в основе которых лежала доктрина об ее божественном происхождении. В соответствии с нею он признавал равенство статуса русского княжеского дома Рюриковичей и черкесского княжеского дома Иналидов. О том же свидетельствует и характер дипломатических контактов, установившихся между Иваном IV и Иналидами. В Москве в это время уже начал формироваться новый самобытный посольский церемониал, ориентированный на принятые в Европе нормы и опиравшийся во многом на византийский дипломатический церемониал. Посольства Иналидов 1552, 1555, 1557 гг. принимались в Москве по обряду, который применялся в отношении дружественных иностранных государств. Высоким был уровень ответных русских дипломатических миссий в Черкесию³³: сюда посылались первостепенные чиновники Посольского приказа.

Когда для поддержания престижа династии Иван IV решил взять себе супругу за пределами царства³⁴, он, признавая равный статус княжеских домов Руси и Черкесии, отправил свадебные посольства в 1561 г. как к монархам Польши, Литвы и Швеции, так и к владетельным князьям Жане и Идарии³⁵. В 1561 г. был заключен династический брак между царем Иваном IV и княжной Идарии Гошаней (Кученей, Гуашэнней (черк.), в крещении – Мария). В наказах русским послам, отправленным после свадьбы в европейские страны, указывалось, что «государь наш по многим землям посылал, и сказали ему у большого князя Черкасского у Темрюка дочь, что ему государскому обычаю пригожа»³⁶. Как известно, династический брак, являясь типично средневековым методом политики, в основе которого лежало феодальное представление о династической природе государства³⁷, представлял собой одно из самых распространенных средств создания средневековых империй. В связи с этим обращает на себя внимание и выбор феодальных уделов Черкесии, куда были направлены свадебные посольства. Это были приморские княжества, чьи территории прилегали к морям: к Черному и Азовскому – Жане, к Каспийскому – Идарии. Особую заинтересованность Иван IV проявлял к Жане – самому могущественному феодальному уделу Черкесии того времени.

Е.Н. Кушева писала, что судьба свадебного посольства, направленного в Жане, неизвестна: смогло ли оно доехать до места назначения, или же предложение Иоанна IV было отклонено князем Сибоко³⁸. Учитывая политический контекст 1561 г., можно предположить, что предложение царя Ивана Васильевича было отвергнуто. На тот момент уже явно обозначилось фиаско союза царя Ивана Васильевича и черкесских князей из-за политики царя, направленной на примирение с крымским ханом. Однако и после неудачи свадебного посольства, после разрыва отношений и отъезда жанеевского «воспитанника» (заложника-аманата) князя Александра-Кудадека от московского двора, Иван IV не оставлял надежд на возобновление связей с княжеством Жане³⁹.

Как отмечает В.В. Трепавлов, в середине XVI в. в России уже существовала практика заключения договоров царя и великого князя с сопоставимыми по статусу государями на постордынском пространстве. Усиление Московского государства привело к тому, что договоры стали заключаться между царем как старшим партнером и соседними правителями как младшими. Официально такие соглашения оставались двусторонними договорами. На самом же деле они стали представлять из себя декларацию обязанностей младшего участника договора по отношению к старшему⁴⁰. Церемония заключения договоров о союзе в России в середине XVI в. базировалась на традициях русской межкняжеской дипломатии XI–XIII вв., на практике международных договоров Византийской империи и Золотой Орды. Договор скреплялся клятвой – крестным целованием или шертованием (для мусульман). Соблюдение договора обеспечивалось выдачей заложников-аманатов. Заложниками могли быть как сами князья, так и их сыновья⁴¹.

Заключению союза 1552 г. предшествовали предварительные переговоры. Договор о союзе четко прописывал друзей и врагов сторон, что было обязательным условием⁴². Посольство Иналидов во главе с бесленеевским князем Маашуком (Амашук, Машуко,

Машукъуз (черк.)), Каноко (Кануковым, Къанокъуз (черк.)) прибыло в Москву уже с твердой определенностью в вопросе о противниках и союзниках, о чем свидетельствует участие послов в походе Ивана IV на «государевы украины», к Коломне, где ожидалось нападение крымского хана. Это позволяет предположить, что союз был заключен против «крымского царя»⁴³. В Никоновской летописи названы имена трех участников черкесского посольства в Москве: возглавлявшего это посольство бесленеевского князя Машуко, князя Ивана – Тутарыко и Танашук-князя⁴⁴. По мнению Е.Н. Кушевой, князь Тутарыко (Тэтърыкъуз (черк.)) был абазинским князем⁴⁵. Т.Х. Кумыков опроверг эту точку зрения⁴⁶. Согласно сословной иерархии Черкесии, князьями-пшчы могли именоваться только Иналиды, к числу которых абазинские владетели не принадлежали. Князь Ельбазд (Елбузду) был младшим братом князя Темрюко Идарова. Ему принадлежал один из уделов в Пятигорье, полученный кланом Идаровых после Казбурунского сражения начала XVI в. В доказательство своей точки зрения Кумыков привел важный аргумент. Хан Девлет-Гирей в 1553 г. вместо похода на Русь пошел на пятигорских черкесов за то, что их владетели заключили с Иваном IV антикрымский союз: «змовившись с князем великим московским». В ответ на посольство 1552 г. были разорены именно уделы Идаровых и Кайтукиных, которые чересполосно располагались в Пятигорье. Князь Ельбазд, отец находившегося в Москве в составе черкесского посольства князя Тутарыко-Ивана, вместе с семьей попал в плен⁴⁷.

По предположению Кушевой, Танашук-князь, участвовавший в посольстве, был кемиргоевским князем⁴⁸. Но обращает на себя внимание то, что имя этого князя созвучно с именем одного из князей Кайтукиных, фигурировавшем в документах 1580-х гг.: Тапшиук-князь⁴⁹ (предположительно – князь Пшеапшоко Кайтукин). В пользу этого свидетельствует и указание на то, что посольство 1552 г. представляло пятигорских князей, проживавших «по реке Белой и впадающим в нее рекам Черем, Баксан меньшей и средней, и Палк»⁵⁰ – земель клана Кайтукиных. Обозначение этой территории может свидетельствовать о том, что в то время великим князем Кабарды являлся представитель князей Кайтукиных, что подтверждается и фактами выборов великого князя в Черкесии в 1550–1589 гг.⁵¹.

В доказательство обозначенной позиции можно привести и иные аргументы. Во-первых, известно, что княжеские линии Кайтукиных, Тоилостановых и Каноко (Кануковых) принадлежали к дому великого князя Инала. Отношения между представителями этих линий Иналидов установить сложно из-за разноречивости генеалогических списков⁵², однако во всех версиях просматривается, что князья линии Каноко (Кануков), являлись одной из младших ветвей Иналидов Кабарды. Удел князей Каноко располагался до начала XVI в. в центре Кабарды, по рекам Кума и Терек. После Казбурунского сражения князь Каноко «уговорил отца Берслана и, избрав удобные обстоятельства», увел 200 семейств на западную окраину Кабарды на реку Орп (Уарп, Уруп)⁵³. Принципы, на которых зиждилось политическое управление Черкесии, не допускали, чтобы князь Машуко, представитель младшей линии Иналидов, мог отправиться в Москву только от своего имени. Скорее всего, инициаторами этого дипломатического шага были князья Кайтукины и Тоилостановы. Таким образом, посольство 1552 г. представляло прежде всего князей Кабарды. Этот вывод подтверждается и сведениями С. Броневского, что в 1552 г. «тюменские»⁵⁴ (терские), пятигорские и другие черкасы прислали послов к царю Ивану Васильевичу». Известно, что князем тюменских (терских) черкесов в 1588 г. был племянник князя Темрюко Идарова князь Канкльч (Джанклиш), единственный сын князя Желегота. Соответственно, в середине 1550-х гг. в Тюменском уделе мог княжить брат Темрюко Идарова Желегот⁵⁵. Итак, посольство 1552 г. представляло консолидированное мнение если не всех Иналидов, то их кабардинской ветви (к которой изначально принадлежали и бесленеевские князья).

Союз предусматривал взаимные обязательства. Иван IV обещал помощь черкесским князьям в борьбе против крымского хана. Иналиды взяли на себя обязательства, «что им со всею землею Черкескою служить государю до своего живота, куды их государь пошлет на службу, туды им ходити»⁵⁶. Черкесские князья, прибывшие в

Москву в составе посольства 1552 г., по христианскому обычаю «целовали крест», скрепив таким образом договор клятвой⁵⁷. В заложники был выдан сын главы посольства князя Машуко. Царь Иван IV, для того чтобы убедиться в существовании единения среди Иналидов, направил в Черкесию вместе с посольством князя Машуко посла Андрея Щепотьева – «правда их видети»⁵⁸. Московское государство приобрело союзников, от которых в нужное время могло получить помощь войнами. Установление связей русских с черкесами создавало для Москвы выгодную стратегическую позицию в войне против Крымского ханства. В Москве знали о походах крымцев на черкесов в 1553–1554 гг., вызванных их связями с русскими⁵⁹, и пытались, согласно заключенному договору, действовать, чтобы помочь своим новым союзникам на Кавказе. С.М. Соловьев писал, что летом 1555 г. «по обычаю – в одну сторону лук натянуть, а в другую стрелять – хан распустил слух, что идет на черкасов. Обязавшись защищать этих новых подданных, Иоанн первый из московских государей решил предпринять наступательное движение на Крым». Войска под командованием боярина Шереметева выступили в поход «в Мамай луг», «на стада крымские» для отвлечения хана от черкесов. Однако обнаружилось, что крымцы направились на Русь. Двухдневное сражение русских (13 тыс. человек) и крымских (60 тыс. человек) войск, в числе которых находились и турецкие янычары, в июле 1555 г. на Судьбищах под Тулой закончилось уничтожением отряда Шереметева (уцелели лишь 2 тыс. человек)⁶⁰.

В августе 1555 г. в Москву из Черкесии вернулся посол Андрей Щепотьев. С ним прибыло новое многочисленное посольство во главе с князем самого могущественного на тот момент черкесского княжества Жане Сибоко Кансауковым. Щепотьев засвидетельствовал единодушное стремление правящей династии Черкесии к военному союзу с царем Иваном IV: «дали правду всею землею: быти им неотступны от царя». Видимо, именно в 1555 г. к кабардинским и бесленеевским князьям присоединились князья Западной Черкесии, что дало возможность говорить о консолидации всех Иналидов Черкесии. Иналиды понимали, что намерение царя радикально решить крымскую проблему предполагало вторжение в сферу интересов Османской империи. Этими сообщениями объясняется их просьба «помочь на Турского городы, и на Азов, и на иные городы, и на крымского царя». Сопровождавший князя Сибоко сын Кудадек (Онышко) был оставлен в Москве в качестве «воспитанника» (заложника). Он принял крещение под именем Александр, и «велел царь и великий князь князю Александру жити у себя во дворе, и учити его велел грамоте со царем Александром Казаньским вместе»⁶¹.

Весной 1556 г. крымский хан собрался походом на Москву. Однако узнав, что русские готовятся его встретить, развернулся и пошел на Черкесию, но из-за начавшейся эпидемии моровой язвы вынужден был отступить в Крым⁶². Поход на Крым, назначенный на 1556 г., не состоялся, русские войска ограничили лишь рядом смелых вылазок. Так, ратники во главе с дьяком Д. Ржевским совершили рейд на Ислам-Кермень и Очаков⁶³. В сентябре 1556 г. вдохновленный появлением русских войск на Днепре и окончательным подчинением Астрахани, на службу к московскому царю перешел князь Дмитрий Вишневецкий, взявший на себя обязательство вести борьбу против Крыма⁶⁴. В крымских и турецких документах тех лет князь Вишневецкий фигурировал не как военачальник московского войска, а как самостоятельный политический деятель, предводитель сложного по структуре военно-политического объединения. Оно состояло из «черкасов» и «русских казаков»⁶⁵. 1 октября 1556 г. Вишневецкий захватил крепость Ислам-Кермень, «людей побил, пушки вывез на Днепр в свой Хортицкий город», а с другой стороны черкесы под предводительством князя Сибоко освободили от турецких гарнизонов крепости Тамань и Темрюк⁶⁶. Иван IV отказал черкесам в помощи при освобождении оккупированных турками приморских городов Черкесии, «что турский салтан в миру со царем и великим князем»⁶⁷. Однако, как предполагает Кушева, Иван IV, «отказав черкесам в прямой помощи “на турского городы”, из-за опасения обострить отношения с Османской империей, все же снабдил их необходимым для осады каменных крепостей огнестрельным оружием»⁶⁸. Для черкесов освобождение этих городов имело символическое значение. Крепость Тамань – древний город

Матрега (Тмутаракань) – являлась на протяжении веков экономическим, политическим, конфессиональным и культурным центром Черкесии⁶⁹. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье составляли до турецкой оккупации центральную часть домена Иналидов⁷⁰.

Успех антикрымской борьбы 1556 г. практически не был закреплен. С зимы 1557 г. в Крыму свирепствовал холод, потом засуха, падеж скота и, наконец, эпидемия. Современники говорили, что в Ногайской орде в то время погибли свыше 100 тыс. человек. Ногайская Орда была охвачена политическим кризисом⁷¹. В Крыму, по свидетельству современников, «едва ли 10 000 исправных конных воинов оставалось у хана». Силы Турции были отвлечены войной на Средиземном море, и она отказала в помощи крымскому хану. Тем не менее царь отказался организовать крупномасштабный поход на Крым⁷². Именно в это время в Москву с просьбой о покровительстве прибыли посольства феодальных владетелей Дагестана (1555, 1557 гг.)⁷³.

В 1557 г. от имени великого князя Кабарды Темрюко (Кемиргоко, Темерюко, Кемерюко) Идарова в Москву было направлено новое посольство во главе с бесленеевским князем Канклычем (Ковкльч) Кануковым (Каноко). Вероятно, именно в это время в Кабарде произошла смена пшышхуз, новым великим князем был избран Темрюко Идаров, в связи с чем договор 1552 г. терял силу. Посольство от великого князя Кабарды приехало в Москву в июле 1557 г. С.А. Белокуров писал, что это были «черкесы кабардинские», т.е. черкесы, жившие «на низ по Тереку» по его притокам Ардан, Агер, Юрюх и Кизил⁷⁴. Ш.Б. Ногма (Ногмов) отмечал, что «князь Темрюк с некоторыми кабардинскими князьями дал присягу»⁷⁵. Посольство 1557 г. заключило союз от имени великого князя Темрюко на тех же условиях, на каких был заключен союз с черкесскими князьями в 1552 г. и 1555 г.: «помочь им учини на недругов так же, как братью пожаловал, черкасских жаженских князей Машук и Сибока з братью»⁷⁶. Ногма указывал, что князь Темрюко «обязался помогать ему (Ивану IV. – Ф.О.) в войнах с султаном и Тавридой»⁷⁷. Русский царь обязывался помогать кабардинским князьям как против крымского хана, так и «против их недруга Шевкала». В качестве «воспитанника» (заложника) от Кабарды в октябре 1558 г. в Москву прибыл князь Салтан – младший сын пшышхуз Кабарды Темрюко Идарова, получивший при крещении имя Михаил⁷⁸.

Территория Кабарды граничила с феодальными владениями Дагестана и Грузии. Кабарда в середине XVI в. за счет своего крупнейшего в регионе военного потенциала господствовала в Центральном Предкавказье, доминировала и в кабардино-дагестанских и кабардино-грузинских отношениях. Это демонстрировалось как военно-политическими союзами кабардинских князей с феодальными владетелями Дагестана⁷⁹, так и их отношениями с грузинскими царями. К примеру, послы царя Федора Иоанновича к кахетинскому царю Александру II в 1589–1590 гг. князь С.Г. Звенигородский и дьяк Т. Антонов свидетельствовали, что до установления дипломатических отношений между Кахетией и Россией в 1587–1589 гг. «Алкас князь (владельческий князь удела Джилыхстановых. – Ф.О.) со государя... Олександра царя имал дань»⁸⁰. Это означало, что царь Александр находился под покровительством князя Алкаса, получая от него при необходимости военную помощь. Существование тесных союзнических отношений между Восточной Грузией и Кабардой подтверждается и тем, что в 1557 г. посольство во главе с князем Канклычем было уполномочено представлять также интересы Иверии: «Посол говорил: только государь их пожалует, как пожаловал жаженских князей и поможет на недругов, то князь грузинский и вся земля Грузинская будет также бить челом государю в службу, потому что грузинский князь в союзе с кабардинскими князьями»⁸¹. Совместные дипломатические шаги грузины и черкесы предпринимали и в последующие десятилетия⁸².

22 января 1558 г. войска русского царя вступили в Ливонию. Борьба с Крымским ханством во внешней политике России отошла на второй план, хотя царь всячески пытался имитировать активность на крымском направлении. В феврале 1558 г. и в марте 1559 г. Иван IV вел переговоры с польским королем и великим князем литовским Сигизмундом II Августом об антикрымском союзе. В 1558–1559 гг. московское прави-

тельство объявило о начале подготовки широкомасштабного наступления на Крым⁸³. По планам Ивана IV, военные действия против Крыма должны были развернуться на трех направлениях – со стороны Днепра, Дона и Черкесии. Однако с князем Д. Вишневецким на Хортицу в январе 1558 г. направилось лишь 5-тысячное войско; Д. Адашев в 1559 г. выступил на Крым с 8 тыс. войнов⁸⁴. Разговоры о приготовлении к широкомасштабным действиям против Крымского ханства оказались фикцией. Иван Грозный в конце 1550-х – начале 1560-х гг. стремился не к масштабной войне с Крымом, а к примирению с ханом Девлет-Гиреем, хотя и пытался прикрыть свои намерения демонстрацией мнимой готовности вести борьбу против Крыма⁸⁵. Заключение антикрымского союза с черкесскими князьями, с князем Вишневецким были, во всяком случае, к концу 1550-х гг., звеньями сложных политико-дипломатических комбинаций Ивана IV, подчиненных его скрытым внешнеполитическим целям.

Анализ международной политики Ивана IV позволяет понять причины ее противоречивости и в отношении союзников – Иналидов Черкесии. С одной стороны, царь передал в Кабарду князю Темрюку через князя Канклыча, покинувшего Москву в январе 1558 г., предложение выступить на помощь князю Вишневецкому. В то же время жанеевский князь Сибоко и бесленеевский князь Машуко покинули намечавшийся театр военных действий в Западной Черкесии и прибыли в Москву. Князь Сибоко принял крещение с именем Василий, бесленеевский князь Машуко – с именем Иван. Сибоко-Василий и Машуко-Иван были отправлены вместе с 5-тысячным отрядом черкесской конницы в Ливонию. «Черкасские князи Сибок с братьею» воевали в большом полку, «да черкасские князи Иван Машик с братьею» – в передовом полку⁸⁶. Причины, по которым союзники Ивана IV по борьбе с Крымом покинули Черкесию и отправились в Ливонию, неясны. Вероятно, они были вынуждены предпринять этот шаг, выполняя условия заключенных с царем договоров⁸⁷. В феврале 1559 г. окольный Д.Ф. Адашев совершил морской поход на лодках от Днепра к Очакову. Высадившись на северном берегу Крыма, русские войска разорили крымские земли, нанесли серьезный ущерб татарам и туркам, освободили большое число русских и литовских пленников, взяли в плен большое число татар и турок⁸⁸.

Пока Сибоко-Василий и Машуко-Иван принимали участие в боевых действиях против Ливонского ордена, ситуация в Черкесии обострилась. В сентябре 1559 г. черкесские князья отправили к царю новое посольство во главе с младшим братом князя Сибоко с просьбой, «чтобы их государь пожаловал, дал им воеводу своего в Черкасы»⁸⁹. Выбор царя пал на князя Д. Вишневецкого. В феврале 1560 г. «отпустил государь Вишневецкого на государство в Черкасы (курсив мой. – Ф.О.)»⁹⁰. Вместе с Вишневецким в свое Отечество возвратились князья Сибоко-Василий и Машуко-Иван. Им было предписано «со всеми черкасы с Черкасскую сторону Крым воевати»⁹¹. В военных действиях против Крыма под командованием князя Вишневецкого принимали участие княжеские дружины как западной, так и восточной части Черкесии – Кабарды. Согласно сведениям Ш.Б. Ногма, князь Темрюко в походе на Крым лично возглавил кабардинскую конницу. Собрав кабардинцев, он «спешил на помощь к царю русскому, с которым и соединились близ Азовского моря»⁹². Эти события произошли одновременно с отстранением от дел А.Ф. Адашева в феврале 1560 г. Его отставка символизировала решительный отказ Грозного от политики, враждебной Крыму и Османской империи⁹³.

Князь Д. Вишневецкий после полутора лет пребывания в Черкесии был отозван из страны осенью 1561 г.⁹⁴ Русский посол в Крыму получил приказ на вопрос о том, почему из Черкесии отозван князь Вишневецкий, отвечать: «Того для, что он учал жити в Черкасах не по государеву наказу». Белокуров отмечает, что сведений о том, что именно князь делал «не по государеву наказу» нет, замечая при этом, что удаление князя Вишневецкого из Черкесии могло быть связано с тем, что именно в это время пятигорские князья отложились от Московского государства⁹⁵. Н.И. Костомаров видел причину отъезда князя Вишневецкого из Черкесии в его слишком активных действиях против Крымского ханства⁹⁶. И.Б. Греков считал князя Вишневецкого политическим орудием

ведущих правителей восточноевропейского региона – польского короля и великого князя литовского Сигизмунда и царя Ивана Грозного⁹⁷. Не исключено, что орудиями во внешнеполитической игре царя оказались также и черкесские князья. Последние уже в 1561 г. расторгли союз с царем, что вызвало негативную реакцию последнего. По сведениям английского путешественника Антония Дженкинсона, еще в 1561 г., задолго до обращения князя Темрюко к царю с просьбой о военной помощи (1562 г.), Иван Грозный намеревался послать свои войска на бывших союзников в Черкесию⁹⁸.

В 1562 г. князь Д. Вишневецкий отбыл к Сигизмунду Августу с 300 войнами и 150 казаками⁹⁹. Костомаров отмечал, что «предприимчивый и талантливый» князь Вишневецкий сыграл выдающуюся роль в становлении и развитии казачества. Казачество возникло изначально как сила, предназначенная для борьбы с татарскими ханствами. В его этногенезе приняли участие многие выходцы из Черкесии. Иван Грозный перестал поддерживать Вишневецкого в борьбе с Крымом. В отличие от царя, его союзники в Черкесии продолжили борьбу с осmano-крымской коалицией. Об этом свидетельствует и запись в «Синодике по убиеным во брани»: «Благоверному князю Амашуку Черкасскому, убиенному от нечестивых турков за православную веру, вечная память». Бесленеевский князь Машуко Каноко (Кануков) погиб в 1562 г.¹⁰⁰ Его сын князь Петр Ага-Машуков Черкасский после гибели отца навсегда остался в России, положив начало княжеской фамилии Ахамашуковых-Черкасских¹⁰¹. По указанию князя Сибоко, его сын князь Кудадек-Александр в сопровождении еще четырех жанеевских князей – Касима и Гаврилы Камбулатовичей и Солтана и Темрюко Жумковичей отъехал в 1562 г. ко двору польского короля Сигизмунда II Августа¹⁰². Князь Михаил Темрюкович остался в Москве в качестве залога верности союзу, заключенному его отцом в 1557 г. с царем Иваном IV.

В 1550-х гг. власти Черкесии пытались упрочить единство региона путем профессиональной унификации страны через возрождение институтов адыгского православия, за уничтожение которого уже более 80 лет воевала крымско-османская коалиция. Москва была заинтересована в развитии православия на Кавказе. Уже в 1560-х гг. делались шаги по налаживанию государственно-церковных русско-грузинских сношений¹⁰³. Особенно активными они стали в конце XVI–XVII вв., что выразилось в обмене многочисленными посольствами. Первостепенной целью этих посольств была реставрация православия в восточной части Грузии – Картли и Кахетии, где процесс уничтожения православных храмов, церквей, замков и исламизации населения, прежде всего ее высшей аристократии, имел значительные размеры. Была разрушена столица Кахетии г. Греми и один из крупных торговых центров Закавказья Загеми – «сердце Грузии»¹⁰⁴. Многие из представителей правящей в Кахетии династии грузинских царей погибли. Картли стала управляться грузинским царевичем, принявшим ислам¹⁰⁵.

Р.Г. Скрынников отмечал, что для Ивана Грозного язык политики был неотделим от языка богословия¹⁰⁶. Среди высших должностных лиц московского двора пребывало множество крайних ортодоксов в религиозных вопросах. Обстоятельства гибели князя Д. Вишневецкого¹⁰⁷, принимавшего большое участие в делах Черкесии, позволяют считать его одним из таковых. Вишневецкий не мог не поддержать стремления черкесских князей к восстановлению православия. В сентябре 1559 г., как уже было указано выше, в Москву приезжал брат жанеевского князя Сибоко Ичюрюк-мурза Черкасский. Он, наряду с просьбой дать «им воеводу своего в Черкасы», ходатайствовал перед Иваном IV «их всех крестити». Это посольство прибыло в Москву вместе с князем Вишневецким, находившимся до этого на Дону. В феврале 1560 г., когда царь направил в Черкесию князей Вишневецкого, Машуко-Ивана, Сибоко-Василия, он «и попов с ними хрестьянских отпустил, а велел им крестити по их обещанию и по челобитью». В это же время «послал государь с воеводами своими попов христианских в Черкасы кабартинские по умолению их, яко хотят крестигися»¹⁰⁸. Ходатайство 1559 г. о присылке священнослужителей в Черкесию было также попыткой со стороны черкесских князей, которые хорошо знали «о ревности русских к православию»¹⁰⁹, дать новый импульс своему союзу с Иваном IV. Но в условиях смены приоритетов внешнеполитического

курса России¹¹⁰ это усилие оказалось тщетным. Поворот во внешней политике царя к примирению с крымским ханом, вновь толкнувший Черкесию под покровительство крымского хана, напротив, дал дополнительный импульс дальнейшей исламизации в Черкесии и в Крыму.

Можно выделить несколько причин, способствовавших распаду союза царя Ивана IV и пщы Иналидов. 1. Непоследовательность в борьбе с Крымским ханством, окончательная смена им приоритетов внешнеполитического курса страны, когда активная политика Москвы против Крыма была свернута. Русско-крымские отношения развивались в это время следующим образом: в декабре 1561 г. царь Иван IV направил в Крым грамоту, предлагая хану прислать задержанному в Москве крымскому послу инструкции для заключения мирного договора и обещая ему «крепкую дружбу» и «добрые поминки»¹¹¹; в октябре 1562 г. царь распорядился возобновить отношения с Крымом¹¹²; в марте 1563 г. направил в Крым большого посла Афанасия Нагого с предложением о возобновлении мира¹¹³. В начале 1564 г. крымский хан Девлет-Гирей «дал правду» перед русским послом: «быти им со царем... в дружбе и в братстве». 9 марта 1564 г. «правду учинил» Иван Грозный¹¹⁴. 2. Уверения Ивана IV в приверженности к православию, как и уверения турецкого султана в его приверженности к исламу, были прикрытием для их имперских амбиций. 3. Невозможность сопротивления Черкесии самой могущественной армии крымско-османской коалиции, агрессия которой в 1550-х гг. была с новой силой спровоцирована заключением военного союза между черкесскими князьями и русским царем. 4. Гибель, плен или вынужденная эмиграция активных участников русско-черкесского сближения середины 1550-х гг. 5. Отсутствие реальной помощи царя черкесским князьям, в том числе и огнестрельным оружием. В 1550-х гг. Москва пыталась организовать борьбу против Крымского ханства, посылая в Черкесию, использовавшуюся как плацдарм для наступления на Крым, вооруженных артиллерией стрельцов. Другой, и, похоже, единственный случай, когда черкесам была оказана помощь огнестрельным оружием, имел место осенью 1556 г. Именно тогда они одержали победу, освободив от турок города Тамань и Темрюк.

Однако несмотря на некоторые успехи антикрымской борьбы, она в целом не увенчалась успехом. Антикрымский союз царя Ивана IV и Иналидов распался, просуществовав десять лет (1552–1561 гг.). Отсутствие документальных сведений делает труднодоступным понимание всех обстоятельств неудачи союзов 1552, 1555, 1557 гг. что отметил еще С.А. Белокуров¹¹⁵. Возможно, у черкесских князей были преувеличенные представления о военной мощи России. Царь Иван IV остерегался решительных действий против Крымского ханства – вассала Османской империи, которая находилась в зените могущества. Она обладала крупнейшей регулярной армией в мире (около 50 тыс. человек), вместе с нерегулярными войсками турецкие войска насчитывали 250 тыс. человек. Ежегодно содержание войск обходилось турецкой казне в 25 млн дукатов. Такой суммой не располагал ни один государь Европы¹¹⁶. А.Л. Хорошкевич пишет, что «территориальные споры, страх перед Крымом и стоявшим за ним турецким султаном оказались более весомыми, нежели проблематичная совместная защита от крымцев». В конечном итоге Иван IV потерпел фиаско на всех направлениях своей внешнеполитической деятельности – в Прибалтике, Швеции и в Крыму. Необходимость выплаты дани крымскому хану спровоцировала жестокое, катастрофичное разорение Твери, Торжка и Великого Новгорода¹¹⁷. Со стороны Иналидов условия союза были выполнены: они бросили все силы на борьбу с Крымским ханством и участвовали в Ливонской войне. Завоевание Астрахани Иваном Грозным в значительной мере было облегчено тем, что черкесы в 1553–1554 гг. своими выступлениями отвлекали на себя крымскую конницу. Имеются сведения и об их участии в боевых действиях под Астраханью¹¹⁸.

Убедившись, что формальные и реальные цели внешней политики Ивана IV не совпадали, что московский двор бросил все свои силы для военного обеспечения прибалтийского направления военной экспансии, Иналиды после двухлетнего сопротивления османско-крымской коалиции (1561–1562 гг.) были вынуждены примириться со своим давним врагом. Используя дипломатические ресурсы, задействовав родственные

связи между правящими элитами Черкесии и Крыма, черкесские князья стали искать пути политического компромисса с ханом Девлет-Гиреем I¹¹⁹. Они заключили союз с «неприятным Московскому царству Ногайским мурзою Казыем», вассалом турецкого султана и союзником крымского хана. Этот союз был закреплен династическим браком владельца Малой Ногайской Орды Казыя Уракова и дочери князя Пшеапшоко Кайтукина¹²⁰. На пути консолидации князей Черкесии вокруг нового внешнеполитического курса встал князь Идарии Темрюко, который оказался крепко связанным с Москвой посредством династического брака его дочери Гошаней-Марии с русским царем (1561 г.). В 1562 г. князь Темрюко усугубил противостояние с другими князьями Черкесии, заключив договор с бием Большой Ногайской Орды Исмаилом¹²¹. В основу этого союза также лег династический брак. После женитьбы Ивана Грозного на Марии Темрюковне средняя дочь князя Темрюко Малхуруб была отдана замуж за сына правителя Большой Ногай Дин-Ахмеда (Тинахмета)¹²². Но князь Темрюко оказался в политической изоляции внутри страны, против него выступили все князья Черкесии, начиная от Жана и заканчивая Кабардой. Согласно своду обычного права Черкесии (Адыгэ Хабзэ), он подвергся остракизму. В 1562 г. Темрюко был вынужден в сопровождении сына Домануко искать убежища в Астрахани¹²³.

3 ноября князь Темрюко встретился в Астрахани с царским послом Г.С. Плещеевым. 6 декабря 1562 г. в сопровождении Плещеева, 500 стрельцов и 500 казаков он вернулся в Кабарду. С их помощью, а также с помощью ногайцев Большой Ногай¹²⁴ он «воевал» княжество своего основного противника – князя Пшеапшоко Кайтукина: «взяли три городки», «а те городки были Шепшуковы – княжие, и люди тех городков добились челом Темрюку-князю, и дань Темрюк-князь на них положил. И воевали землю их одиннадцать дней, и взяли кабаков Мщанских и Сонских сто шестьдесят четыре, и людей многих побили и в полон имали, да взяли четырех мурз: Бурната, Ездноура, Бурнака, Дудыля»¹²⁵. Невозможно не согласиться с выводом Я.З. Ахмадова о том, что одной из задач русских войск в этой экспедиции было обеспечение контроля над стратегически важной магистралью, соединявшей Северный Кавказ с Грузией¹²⁶.

Таким образом, произошла утрата единства во внешнеполитической ориентации черкесских князей. В 1563 г. в Бахчисарай был направлен брат князя Сибобо «прислать царевича на Черкасское государство», в связи с чем в Черкесию прибыл внук хана царевич Ислам-Гирей¹²⁷. Однако и эта попытка, предпринятая черкесскими князьями в целях сохранения независимости, не дала своих результатов. Москва, применив карательные меры в Кабарде¹²⁸, сохранила союзнические отношения лишь с князем Темрюко Идаровым. В первой половине 60-х гг. XVI в. началось разделение единого культурного пространства страны на сферы влияния между исламской Османской империей и православной Русью. Первым расколом Кабарды на враждующие группировки в череде конфликтов XVI–XVIII вв. следует признать распрю между Иналидами по вине князя Темрюко. Документально свидетельствуют, что уже в 1562–1563 гг. произошло перерождение военного союза князя Темрюко и царя Ивана Грозного в союз, направленный против других Иналидов Черкесии. Сепаратизм клана Идаровых, опиравшийся на поддержку Ивана IV, стал причиной внутренних междоусобных столкновений в Черкесии. Логика исторического развития региона на протяжении последующих столетий подталкивала Османскую империю и Российское царство к распространению своего влияния на всю территорию Черкесии. Эта линия реализовывалась указанными державами как в дипломатической борьбе, так и в войнах на территории Черкесии.

Примечания

¹ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2 т. М., 1957 (далее – КРО).

² История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957; Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. Ставрополь, 1967; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988; Смирнов Н.А.

Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958; *Кокеев Г.А.* Русско-кабардинские отношения в XVI–XVII вв. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокеева: Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 184–193; *Бушуев С.К.* Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956; *Кумыков Т.Х.* К вопросу присоединения Кабарды к России // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. V. Нальчик, 1956; *Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П.* Добровольное присоединение Черкесии к России (к 400-летию юбилею). Черкесск, 1956; *Аутлев М.Г., Зевакин Е.С., Хоретлов А.* Адыги. Майкоп, 1957; *Фадеев В.В.* Основные этапы в развитии русско-кавказских связей // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Серия историческая. Т. 17. Нальчик, 1960. С. 33–81; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963; *Блиев М.М.* К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. 1970. № 7. С. 43–56.

³ *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 15.

⁴ *Дзамихов К.Ф.* Исторический опыт политико-правовой регламентации русско-адыгских отношений: анализ документов XVI–XVIII вв. // Res Publica. Альманах социально-политических и правовых исследований. Вып. 2. Нальчик, 2001. С. 7.

⁵ *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестник. Вып. II. Нальчик, 2005. С. 57, 72.

⁶ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 36, 39, 40, 43; КРО. Т. I. С. 391.

⁷ *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом // Материалы, извлеченные из Московского архива Министерства иностранных дел. М., 1889. С. XII.

⁸ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 5.

⁹ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. XLI; Очерки истории Адыгеи. Т. 1. Майкоп, 1957. С. 132; История Кабарды... С. 36; История народов Северного Кавказа... С. 331; *Некрасов А.М.* Внешнеполитические предпосылки вхождения адыгов в состав Русского государства в первой половине XVI века // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов н/Д, 1985. № 4 (52). С. 50; *он же.* Международные отношения... С. 15.

¹⁰ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVII в. Т. 1. М., 2005. С. 206, 269–271; *Трахо Р.* Черкесы. Мюнхен, 1956. С. 14.

¹¹ Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 173.

¹² *Трахо Р.* Указ. соч. С. 15.

¹³ История многовекового содружества // К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 2007. С. 54.

¹⁴ *Некрасов А.М.* Международные отношения... С. 112.

¹⁵ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 180, 191; *Полиевктос М.А.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615–1640 гг. Тбилиси, 1937. С. VII–VIII.

¹⁶ *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 374; *Лобин А.* Павлин и Волк, Собака и Лисица // Родина. 2004. № 12. С. 75.

¹⁷ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 105, 194.

¹⁸ *Кидирниязов Д.С.* Ногайцы в XV–XVIII вв. Махачкала, 2000. С. 89; *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 24; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 564.

¹⁹ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 201.

²⁰ *Ивонин Ю.Е.* У истоков европейской дипломатии Нового времени. Минск, 1984. С. 94, 95.

²¹ ПСРЛ. Т. XIII. СПб., 1904. С. 234; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. XLIII.

²² *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VIII. М., 1989. Стб. 76.

²³ Адыгская (черкесская) энциклопедия. С. 164.

²⁴ *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 93, 61.

²⁵ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. XX–XXVI.

²⁶ *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 135.

²⁷ «Къан. Слово имеет два значения: 1) покровитель, защитник; 2) воспитанник, приемыш. Ныне более известно второе значение» (*Ногма Ш.Б.* Филологические труды. В 2 т. Т. 1. Нальчик, 1956. С. 47); см. также: *Кажаров В.Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 39.

²⁸ *Гонца Г.В.* К истории молдавско-турецких отношений начала XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XVI–XVIII вв. М., 1979. С. 53.

²⁹ «Дословное значение слова *пши* соответствует русскому слову *господин*, *владелец*, *государь*». В XVI в. Черкесия имела самостоятельные государственные структуры с собственной исторической традицией и легитимной правящей аристократией во главе с правящей династией *пшы* – потомками *пшышхуэ* (великий князь) *Инала* (вторая половина XIV – начало XV в.). Титул «*пшышхуэ*» означал буквально «старший князь», употреблялся в смысле «великий князь», «государь» (*Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. В 2 т. Т. 1. Нальчик, 2001. С. 255); см. также: *Карнович Е.П.* Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. М., 2007. С. 158; *Дзамихов К.Ф.* Исторический опыт... С. 9.

³⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 228.

³¹ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 186.

³² *Дзамихов К.Ф.* Исторический опыт... С. 18.

³³ *Семенов И.* Посольский обычай Кремля // Родина. 2009. № 11. С. 89; *Дзамихов К.Ф.* Исторический опыт... С. 17.

³⁴ *Богатырев С.* Лестница с небес // Родина. 2004. № 12. С. 11.

³⁵ ПСРЛ. Т. XIII. С. 332.

³⁶ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. LV–LVI.

³⁷ *Ивонин Ю.Е.* Указ. соч. С. 26.

³⁸ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 220.

³⁹ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. LIV; *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х годов). Нальчик, 2001. С. 182; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 222.

⁴⁰ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 136, 137.

⁴¹ История дипломатии. Т. 1. М., 1959. С. 138.

⁴² *Некрасов А.М.* Международные отношения... С. 83.

⁴³ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. XLIII; *Дзамихов К.Ф.* Адыги... С. 84.

⁴⁴ Хотя Никоновская летопись называет князя Татаруко Иваном уже в 1552 г., в том же летописном своде указывается, что он принял крещение лишь в 1555 г. (ПСРЛ. Т. XIII. С. 228, 259).

⁴⁵ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 206.

⁴⁶ КРО. Т. I. С. 383; *Кумыков Т.К.* Указ. соч. С. 88–90.

⁴⁷ КРО. Т. I. С. 6; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 203; *Кумыков Т.К.* Указ. соч. С. 89.

⁴⁸ *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 205.

⁴⁹ КРО. Т. I. С. 53, 55.

⁵⁰ Книга Большого чертежа. СПб., 1838. С. 61–62. Цит. по: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. XLI.

⁵¹ *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994. С. 214–218; *Бгажноков Б.Х.* Указ. соч. С. 57–60.

⁵² КРО. Т. I. С. 383, 384; *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994. С. 95, 101; Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики., ф. Р-1209, оп. 13, д. 3. л. 4, 5, 11, 13, 14, 16–20; Российский военно-исторический архив, ф. 846, оп. 16. д. 20510; *Сокуров В.Н.* Об изменении династической идеологии адыгских князей и возведении рода к Ною // Архивы и общество. 2007. № 1. С. 59–76.

⁵³ КРО. Т. 2. С. 140–141; *Ногмов Ш.Б.* Указ. соч. С. 105.

⁵⁴ «Тюмень» на черкесском языке значит «болотистая низменность» (*Кочкаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 106).

⁵⁵ КРО. Т. I. С. 383, 385; *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе // Извлечения по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999. С. 150; *Потто В.А.* Два века терского казачества (1577–1801). Ставрополь, 1991. С. 50, 128.

⁵⁶ *Белоруков С.А.* Указ. соч. С. XLI, XLIII.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 234; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. XLIII.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 234; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. XLII.

⁵⁹ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. XLV; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 208.

⁶⁰ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 6. М., 1989. С. 475; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 162; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 207–208; Адыгская (черкесская) энциклопедия. С. 180; *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 18.

⁶¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 259; КРО. Т. I. С. 4; *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 188.

- ⁶² Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 6. С. 477; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 168.
- ⁶³ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 207, 210; Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII ввек. М., 1973. С. 34; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 168.
- ⁶⁴ Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. VIII. Стб. 66, 154; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 169.
- ⁶⁵ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 260.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. XIII. С. 277; Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 6. С. 478.
- ⁶⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 259; Новичев А.Д. История Турции. Л., 1963. С. 100–101.
- ⁶⁸ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 209.
- ⁶⁹ Поркшиян Х.А. К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху средневековья // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1957. С. 356.
- ⁷⁰ Ногмов Ш.Б. Указ. соч. С. 96.
- ⁷¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 12.
- ⁷² Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. Вып. II. М., 1990. С. 439; Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. VIII. Стб. 66, 155; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 181, 182; Вилинбахов В.Б. Совместные русско-кабардинские военные действия // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып. 7. Нальчик, 1959. С. 108; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 19.
- ⁷³ Белокуров С.А. Указ. соч. С. L, LI.
- ⁷⁴ Белокуров С.А. Указ. соч. С. XLIX-L; Ногмов Ш.Б. Указ. соч. С. 105.
- ⁷⁵ Ногмов Ш.Б. Указ. соч. С. 122.
- ⁷⁶ ПСРЛ. Т. XIII. С. 284; Дзамихов К.Ф. Адыги... С. 87.
- ⁷⁷ Ногмов Ш.Б. Указ. соч. С. 122.
- ⁷⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 312, 313.
- ⁷⁹ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 136.
- ⁸⁰ Там же. С. 167.
- ⁸¹ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 6. С. 475.
- ⁸² Белокуров С.А. Указ. соч. С. 31, 62, 63, 94–100, 122, 123.
- ⁸³ Османская империя... С. 258; Новосельский А.А. Указ. соч. С. 18; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 233.
- ⁸⁴ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 218; Османская империя... С. 258; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 182.
- ⁸⁵ Османская империя... С. 257, 258.
- ⁸⁶ ПСРЛ. Т. XIII. С. 283, 284, 288, 289; Белокуров С.А. Указ. соч. С. L; Вилинбахов В.Б. Указ. соч. С. 106, 107; Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. VIII. Стб. 69.
- ⁸⁷ Белокуров С.А. Указ. соч. С. XLI, XLIII.
- ⁸⁸ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 34; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 233.
- ⁸⁹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 320.
- ⁹⁰ Там же. С. 324.
- ⁹¹ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 218.
- ⁹² Белокуров С.А. Указ. соч. С. L; Ногмов Ш.Б. Указ. соч. С. 122, 124.
- ⁹³ Османская империя... С. 260.
- ⁹⁴ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 221.
- ⁹⁵ Белокуров С.А. Указ. соч. С. LVIII, LX.
- ⁹⁶ Костомаров Н.И. Указ. соч. Кн. II. Вып. V. М., 1991. С. 223.
- ⁹⁷ Османская империя... С. 259.
- ⁹⁸ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С. 200.
- ⁹⁹ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 298.
- ¹⁰⁰ Дзамихов К.Ф. Адыги... С. 182.
- ¹⁰¹ Там же. С. 149, 182–188.
- ¹⁰² Крушинский М. Черкесские князья в Польше // Генеалогия Северного Кавказа. Нальчик, 2002. № 3. С. 150.
- ¹⁰³ КРО. Т. 1. С. 12.
- ¹⁰⁴ Потто В.А. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁰⁵ Полиевктов М.А. Указ. соч. С. XIX.
- ¹⁰⁶ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Новосибирск, 1991. С. 263.
- ¹⁰⁷ Костомаров Н.И. Указ. соч. Кн. II. Вып. V. С. 223.

- ¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 320; Белокуров С.А. Указ. соч. С. LI.
- ¹⁰⁹ Белокуров С.А. Указ. соч. С. XLVIII.
- ¹¹⁰ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 223.
- ¹¹¹ Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XVI–XVIII вв. М., 1979. С. 71.
- ¹¹² Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 301.
- ¹¹³ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 19.
- ¹¹⁴ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 394.
- ¹¹⁵ Белокуров С.А. Указ. соч. С. LVIII.
- ¹¹⁶ Новичев А.Д. Указ. соч. С. 100–101.
- ¹¹⁷ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 228, 531–532.
- ¹¹⁸ Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 17.
- ¹¹⁹ Адыгская (черкесская) энциклопедия. С. 181.
- ¹²⁰ Белокуров С.А. Указ. соч. С. LX; Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середины XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996. С. 141; Кочкаев Б.-А.Б. Указ. соч. С. 104, 105.
- ¹²¹ Белокуров С.А. Указ. соч. С. LVII.
- ¹²² Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 264.
- ¹²³ Белокуров С.А. Указ. соч. С. LVIII; Архив института гуманитарных исследований правительства Кабардино-Балкарской республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН, ф. 1, оп. 5, д. 26, л. 32; КРО. Т. 1. С. 11; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 357.
- ¹²⁴ Белокуров С.А. Указ. соч. С. LXI.
- ¹²⁵ КРО. Т. 1. С. 11.
- ¹²⁶ Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 24.
- ¹²⁷ Белокуров С.А. Указ. соч. С. LX.
- ¹²⁸ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 358.